

Благие порывы, жестокосердие,
внешние обстоятельства.
Паскаль. Мысли, 507

Мальчики играют в баскетбол вокруг телефонного столба, к которому привинчен щит. Мельканье ног, короткие выкрики. Шарканье и шуршание кедов по гравию катапультирует их голоса в высокую влажную синеву мартовского неба над проводами. Кролик Энгстром идет по переулку, на нем строгий деловой костюм, и хотя ему двадцать шесть лет и росту в нем шесть футов три дюйма, он останавливается посмотреть. Для кролика он, пожалуй высоковат, но широкое белое лицо, бледно-голубые радужки, нервное подергивание верхней губы под коротким носом, когда он втыкает в рот сигарету, отчасти объясняют это прозвище, которым его наделили, когда и он тоже был мальчишкой. Он стоит и думает: ребята подрастают, теснят тебя со всех сторон.

Мальчишкам его присутствие кажется странным. Они играют для собственного удовольствия, а вовсе не напоказ какому-то взрослому дяде, который шляется по городу в двубортном пиджаке цвета какао. Вообще не понятно, почему взрослый идет по переулку пешком. Где его автомобиль? Си-

гарета в зубах придает ему и вовсе угрожающий вид. Может, он из тех, кто за сигареты или деньги предлагает прогуляться на фабрику искусственного льда? Про такие фокусы они уже слышали, но их так просто не запугаешь — их ведь шестеро, а он один.

Мяч, отскочив от обода, пролетает над головами их шестерых и падает к ногам его одного. Стремительность короткого рывка, с которой он хватается мяч, приводит их в изумление. Притихнув, они смотрят на его темный силуэт — ни дать ни взять заводская труба, внезапно возникшая на фоне весенних небес. С прищуром глядя сквозь голубое облачко табачного дыма, он осторожно переставляет ноги и, растопырив пальцы, нервно крутит перед собою мяч. На ногтях белеют широкие полумесяцы. Он внезапно приседает, и мяч, словно скользнув по правому отвороту пиджака, срывается с его плеча, летит как будто даже не к щиту — он туда вовсе и не метил, — падает прямоком в корзину и, скромно шелестя, пролетает через сетку.

— Эге! — гордо выкрикивает Кролик.

— Случайность, — роняет какой-то мальчик.

— Мастерство, — отзывается он. — Можно, я с вами поиграю?

Вместо ответа мальчишки обмениваются недоуменными взглядами. Кролик снимает пиджак, аккуратно его складывает и кладет на чистую крышку мусорного ящика. Позади снова начинают метаться саржевые комбинезоны. Ринувшись в самую гущу, он выхватывает мяч из чьих-то слабых рук. Знакомое ощущение тугой поверхности возрождает в теле прежнюю упругость. Ему кажется, будто он сквозь далекие годы возвратился назад. Руки, как крылья, сами собою взмывают ввысь, и резино-

вый шар от макушки его головы несется к корзине. Недолет. Прицел казался ему настолько точным, что, увидев падающий мяч, он изумленно щурится, и на секунду у него мелькает мысль: уж не пролетел ли мяч сквозь обод, не задев сетки?

— Эй, за какую команду я играю?

Краткая безмолвная суматоха, и к нему командируют двух мальчишек. Трое против четверых. Хотя Кролик с самого начала занял невыгодное положение в десяти футах от корзины, это все равно несправедливо. Никто не пытается вести счет. Угрюмое молчание его раздражает. Ребята перебрасываются односложными замечаниями, но ему никто не смеет сказать ни слова. В разгаре игры он чувствует, как они толкуются у него под ногами, горячатся, злятся, пытаются подставить ему ножку, однако все еще держат язык за зубами. Он не нуждается в таком уважении, он хочет сказать им: то, что я взрослый, — это ерунда, это никакой роли не играет. Минут через десять один его партнер переходит на сторону противника, и теперь Кролик Энгстром со вторым мальчуганом остаются вдвоем против пятерых. Этот мальчик, еще маленький, но уже застенчивый, неуверенный в себе, однако легкий на ногу, — самый лучший изо всей шестерки; вязаная шапочка с зеленым помпоном, натянутая по самые брови, придает ему идиотский вид. Он — прирожденный талант, самородок. Стоит только посмотреть, как он двигается — не ступает, а как бы парит над землей. Если ему повезет, он со временем станет классным спортсменом, чемпионом школы. Кролику это знакомо. Постепенно поднимаешься со ступеньки на ступеньку на самый верх, все кричат «ура», пот слепит тебе глаза, волна шума и крика возносит тебя ввысь, а потом ты выходишь из игры — вначале ты еще не забыт, но все равно

ты вышел из игры, и тебе хорошо, прохладно и привольно. Ты вышел из игры, ты как бы растворился и, поднимаясь все выше и выше, становишься для этих ребят просто какой-то частью мира взрослых, частью неба, что всегда висит у них над головами в городе. Они его не забыли, хуже — они о нем просто никогда не слыхали. Между тем в свое время Кролик был знаменитостью округа, в предпоследнем классе средней школы он поставил рекорд по забитым мячам в состязаниях лиги «Б», в выпускном классе сам же его перекрыл, и этот последний рекорд был перекрыт лишь через четыре года, то есть четыре года назад.

Он забрасывает мяч в сетку одной рукой, двумя руками, одной рукой снизу, стоя на месте, с поворота, в прыжке, двумя руками от груди. Мяч мягко и плавно летит вперед. Он счастлив, что в его руках все еще живет уверенность. Он чувствует, что стряхнул с себя долгое уныние. Однако тело стало грузным, и у него начинается одышка. Он запыхался, и это его бесит. Когда пятерка начинает стонать и медлить, а какой-то парнишка, нечаянно сбитый им с ног, встает и с измазанной физиономией ковыляет прочь. Кролик охотно сдается.

— Ладно. Старик пошел. Трижды ура, — говорит он и, обращаясь к своему партнеру с помпоном, добавляет: — Ну, пока, ас.

Он преисполнен благодарности к этому мальчишке, который с бескорыстным восхищением не сводил с него глаз еще долгое время после того, как остальные угрюмо надулись. Самородки, они знают, что к чему.

Захватив сложенный пиджак, Кролик убегает, держа его в одной руке, точно письмо. По переулку. Мимо заброшенной фабрики искусственного льда, с прогнившими деревянными желобами вдоль по-

грузочной платформы. Мимо мусорных ящиков, гаражей, путаницы мертвых прошлогодних цветов в загородках из проволочной сетки. Стоит март. Все начинается сначала. В прозрачном от любви, горьковатом воздухе Кролик чувствует обещание чего-то нового и, вытащив из оттопыренного кармана рубашки пачку сигарет, не замедляя шага, швыряет ее в чей-то открытый мусорный бачок. Он очень доволен собой; его верхняя губа поднимается, обнажая зубы. Большие замшевые башмаки глухо шлепают прямо по мусору в переулке.

Он бежит. У перекрестка сворачивает на другую улицу. Это Уилбер-стрит в поселке Маунт-Джадж, предместье города Бруэра, пятого по величине в штате Пенсильвания. Бежит в гору. Мимо группы больших домов — крепостей из кирпича и цемента, с дверями из цветных стекол и окнами, уставленными цветочными горшками. Еще на пол-улицы выше, мимо жилого района, возведенного одним махом в тридцатые годы. Сдвоенные деревянные домики лесенкой взбираются по склону холма. Пространство высотой около шести футов, на которое каждый из них возвышается над соседним, занято парой тусклых окон, широко расставленных, словно глаза какого-то зверя, и обито деревянной дранкой всевозможных оттенков — от цвета кровоподтека до цвета навоза. Облупившиеся фасады некогда были белыми. Здесь же вытянулись в ряд десятка полтора трехэтажных домов, каждый — с двумя входными дверями. Седьмая дверь — его. Деревянные ступеньки истерлись, под лестницей — кучка мусора, из которого торчит забытая игрушка — пластмассовый клоун. Он провалялся там всю зиму, но Кролик думал, что в конце концов какой-нибудь малыш за ним придет.

Запахавшись, он останавливается в полутемном вестибюле. Здесь даже днем горит электрическая лампочка. Над коричневой батареей висят три пустых жестяных почтовых ящика. По другую сторону коридора обиженно смотрит закрытая дверь соседа, живущего этажом ниже. В доме всегда чем-то пахнет, но Кролик никак не может определить, чем именно, — то ли вареной капустой, то ли ржавым дыханием парового отопления, то ли просто чем-то мягким, что гниет в стенах. Он поднимается на самый верх, в свою квартиру.

Дверь заперта. Он вставляет в замок маленький ключ, рука дрожит с непривычки после бега, ключ не слушается, царапает металл. Открыв дверь, он видит, что его жена сидит в кресле со стаканом коктейля «Старомодный» и, приглушив звук, смотрит телевизор.

— Ты здесь, — говорит он. — Зачем же ты заперла дверь?

Она глядит на него мутными темными глазами, покрасневшими от долгого сидения у телевизора.

— Она сама захлопнулась.

— Сама захлопнулась, — повторяет он, однако наклоняется и целует ее гладкий лоб. Она миниатюрная, кожа у нее оливковая и такая тугая, словно что-то набухающее внутри изо всех сил стремится растянуть ее маленькое тело. Ему кажется, что еще вчера она была хорошенькой. Двух коротких морщинок в уголках рта оказалось достаточным, чтобы сделать его жадным; волосы так поредели, что под ними ему все чудится череп. Эти мельчайшие признаки старения появились совсем незаметно, поэтому вполне возможно, что завтра они исчезнут, и Дженис снова станет его девушкой. Он пытается шуткой вернуть ее в это состояние.